



**Наш отъезд из оазиса.  
Второй день путешествия по пустыне.  
Зловещая встреча в ней**

Мы стояли, смотря вслед умчавшимся всадникам. Думаю, не ошибусь, если скажу, что мысли и чувства всех провожавших были одинаковы. Каждый из нас — как мог и умел — посылал свои благословения уезжавшему профессору и его новой жизни. В который раз я присутствовал при начале новой жизни человека, в которую его провожали И. и Франциск. И каким диссонансом звучало для меня то, что каждый раз — был ли то убогий карлик, был ли то одаренный или даже гениальный человек — все начинали эту новую жизнь с печали, слез и тоски. И я еще ни разу не видел той духовной мощи человека, когда бы он шел в свою новую жизнь, радуясь и торжествуя, что пришел его момент внести свою часть труда в широкий мир.

Я подумал о брате Николае, вспомнил его записи в книжке, вспомнил пир у Али, Наль, Али-молодого и его страдания, и впервые закралось в мою душу сомнение, умел ли брат Николай начать свою новую жизнь с Радости.

— Не пытайся решить уравнение со столькими неизвестными, мой дорогой следопыт, — весело сказал мне И., возвращая меня к месту и времени. Тебе надо искать не ответы, как идут жизни со столькими неизвестными для тебя величинами. Тебе надо растить в своем движении, в своих перемежающихся «сейчас» Любовь-Энергию в геометрической, а не в арифметической прогрессии.

И первое, что ты для этой цели сделай, помоги Игорю собрать все вещи Натальи Владимировны. Когда мы будем уезжать, усади ее с Зейхедом на мехари и оставайся вместе с Игорю в роли рыцаря-охранника во все время путешествия при нашей «молниеносной» даме. Станислав и мистер Ольденкотт поедут рядом со мною, а вы сзади нас. Если я доверяю твоему вниманию охрану этой

женщины, это значит, что ты так же должен забыть о себе и думать только о ней, как ты делал это в те часы, когда помогал ей читать книгу в комнате Али. Обязанность, возлагаемая мною на тебя в это мгновение, так же священна, как и та. Забудь же о себе, думай о ней и не забывай слов Франциска о бездне человеческого горя, — прибавил И., ласково похлопав меня по плечу.

Я был несколько пристыжен и в то же время умилен деликатностью и любовью И., умевшего всегда и все понять и сделать легкой и священной всякую задачу, которую он давал и которая казалась трудной. Когда он приказал мне собрать вещи Андреевой, стать ей рыцарем в пути, нечто вроде протеста и даже возмущения, нечто вроде горечи от расставания с И., точно я был недоволен, что кто-то другой займет в пути мое место рядом с моим дорогим Наставником, вихрем пронеслось во мне. И все это сразу же схлынуло, стоило ему вызвать в моей памяти ту Наталью Владимировну, которую я вводил в божественную комнату Али.

Я поклонился низко-низко моему чудесному воспитателю, понял по его ответному поклону и взгляду, что я не только прочтен до дна, но и прощен до конца, и радостно бросился к Игорю звать его к новому делу. И тут же поймал себя: ведь и мне сейчас указали нечто новое, и я это новое начал с печали.

«Неужто же это закон для всех?» — думал я, собирая в плетеную корзинку вещи Натальи Владимировны и поражаясь тому, какое их количество она набрала с собой. И чего-чего тут только не было! И кружевные косынки, какие она обычно носила на своих непокорных волосах; и детские игрушки, и бусы, и зеркала, маленькие и побольше, точно она собиралась дарить их каким-нибудь заброшенным жителям пустыни; и книги, пряники, и финики. Дойдя до этих последних, я уже готов был прийти в отчаяние, как ко мне подошли мои вчерашние собеседницы за ужином.

— Ну, это вы делаете совсем не так, — сказала мне старшая, выбрасывая на высокий каменный стол из корзинки все, что я с таким трудом туда запихал и что было похоже на багаж коробейника. — Сейчас мы разложим вам все по сортам и уложим в пальмовые корзиночки. А финики и пряники положим в специально для этой цели

сплетенные мешочки, которые вы привяжете сбоку корзинки. Тогда можно будет их доставать, не делая беспорядка в большой корзине.

Не успел я оглянуться, как вся работа была закончена. Я представил моим дамам Игорю, которого они очень сердечно приветствовали.

— Теперь пойдемте, вас ждет у нас завтрак, — сказала старшая.

— Не сомневайтесь, — прибавила младшая, заметив мое колебание, — доктор И. и дедушка уже у нас. Вас вместе с вашим приятелем приглашает дедушка. Он желает угостить вас нашим обычным завтраком, чтобы ваше представление о нашей жизни в пустыне было полнее. Кроме того, у него, кажется, есть надежда упротить вашего великого друга-артиста показать нам всем, как надо читать великих поэтов.

— Тебе не поручали, дорогая, ничего передавать, — перебила ее старшая. — Дедушка очень просит вас обоих сейчас к нам. Пойдемте же, а то кофе остынет, — улыбнулась она нам.

Мы с Игорю посмотрели на свои запыленные руки и одежды, наши дамы мгновенно подметили наш взгляд, без слов нас поняли и отвели к тому домику-ванне, где нас приводил в себя Ясса. Мы и сейчас нашли его там. Наши спутницы прошли в сад, взяв с собой Эту. Через несколько минут мы к ним присоединились, соперничая с ними в близне их туалетов.

Я был рад, что обе дамы щебетали с Игорю с особенным интересом, узнав, что он тоже артист и нередко выступал вместе с Бронским в его спектаклях. Я неся мыслями за профессором. Как разные были мои чувства сейчас, когда я мысленно летел по пустыне за Зальцманом, и тогда, когда мчался за Беатой. Тогда я не сознавал ни себя, ни ее отделенными от всей жизни, я составлял одно целое с нею, с пустыней, со всей Вселенной, с Богом; там я пел со всем окружающим песнь торжествующей Любви. Здесь я видел отделенное бедное сердце, не имевшее еще сил осознать себя единицей всего мира. Я понимал, что профессор не видел еще в человеке частицы Единого, но читал только его внешнюю форму и по ней судил о ближнем. Давно ли и я думал так же?

Не знаю, долго ли мы шли, но когда неожиданно передо мной выросла громаднейшая фигура «дедушки», я точно с неба свалился,

не сразу сообразив, где я, чем насмешил всех, а особенно Андрееву, которая, не удерживая веселого смеха, сказала мне:

— Ну и пожалела бы я тех, кого бы вам поручили в пустыне, Левушка. Вы, наверное, забыли бы, что в пустыне бывают внезапные бури, очень опасные, и, унесясь в ваших мечтаниях, вы предоставили бы силе стихий всех ваших подопечных.

— Это очень грустно, дорогая Наталья Владимировна, что именно вам дал И. такого немудрящего рыцаря, как я, в охранники по пустыне. Вся моя надежда на то, что Его же высокая любовь не позволит мне на этот раз выбиться из глубокого благоговения и сосредоточенности, в которых я служил вам в комнате Али. В данном же мне сейчас поручении, узнав о вашем недоверии к моим силам, я постараюсь удвоить свое усердие, — ответил я, впервые ничуть не смущаясь сарказма ее глаз — электрических колес, которыми она меня пронзала, — и едкостью тона, хотя она и прикрывала его добродушием.

Ко мне подошла леди Бердран и, радостно пожав мне руку, сказала:

— Я так счастлива, Левушка, И. сказал мне, что я поеду в одном ряду с вами.

Когда я подошел к «дедушке», он положил мне на плечи свои могучие руки, и я мгновенно убедился, что Голиаф подвергся превращению в Давида, ибо я был ему ниже плеча и мог на него смотреть, только подняв голову вверх.

— Мой милый гость, я не так давно получил книги от моего друга, сэра Уоми, и прочел ваш рассказ. Я едва поверил, когда И. сказал мне, что автор — юноша, почти мальчик. Если бы вы много раз в жизни были рассеяны в отношении к внешним вещам, то та глубина, куда вы проникли в вашей книге уже сейчас, несмотря на ваш возраст, говорит одно: вы идете вожаком, и для вас нет меры обыденности. Примите мою благодарность. Если бы я мог выпустить во Вселенную такую цельность устремления, какую обладаете вы, я был бы счастлив.

Великан усадил меня — теперь совершенно сконфуженного — рядом с собой перед дымящейся чашкой кофе.

— Не смущайтесь, мой дорогой. Здесь, в пустыне, мы привыкли свободно оценивать таланты друг друга. У нас нет предрассудка зависти, как нам не свойственна и ревность. Мы нередко соревнуемся друг с другом и всегда честно и просто признаем себя побежденными, если противник побил нас талантом. И вы не смущайтесь моим восхищением. Я просто счастлив приветствовать в вас ту силу одаренности, которая поможет многим и многим выйти из кольца их предрассудков и понять, что значит иметь глаза и уши открытыми.

Он придвинул ко мне несколько маленьких корзиночек, очень изящно сплетенных из пальмовых волокон и наполненных хлебцами, коврижками и печеньем. Я понимал, что все это хлебные продукты оазиса, разнообразно сделанные из муки, но форма хлебцев то напоминала картошку, а цвет вызывал представление о сахаре, то походила на морковь. Я не знал, что к чему подано, и смотрел на все корзиночки сразу, и не мог решить, с чего мне начать. Хозяин пришел мне на помощь, говоря:

— Нам приходится приспосабливаться к ежедневной потребности, живя в пустыне. Мы не можем рассчитывать, что идущие к нам и от нас караваны всегда будут в срок возвращаться и снабжать нас мукой из пшеницы, которая, как и рожь, у нас не родится. Наши хлебцы всегда с подмесом муки из плодов хорошо рождающихся у нас манговых и мучнистых деревьев. Поэтому внешний вид наших хлебцев неказистый и слишком бел для глаз европейцев. Не было еще ни одного человека, впервые видевшего наш хлеб, который не задумывался бы над ним, как это сделали сейчас вы. Но точно так же не было ни одного европейца, который, попробовав, не одобрил бы нашего хлеба.

Рассул был ласков, в его глазах не было ни искорки юмора, он смотрел на меня с отеческой нежностью. Великан сам положил мне на тарелочку из пальмового дерева несколько хлебцев, придвинул красивую небольшую масленку из слоновой кости, полную свежего масла, и подал широкий и короткий нож, также из слоновой кости.

Я обратил внимание не только на красоту вещей, на белоснежность скатерти, но и на руку самого великана. Это была огромная, темная, но красивая и необычайно пропорциональная рука. На

среднем пальце ее сверкал древний перстень, изображавший голову сфинкса, в которой сиял желтый бриллиант. Я подумал, что клафт на голове самого хозяина был бы в полной гармонии со всей его фигурой, и в нем Рассул был бы похож на египетского жреца. Я не успел додумать своей мысли. Рассул снова посмотрел на меня, и на этот раз в его взгляде было то же озорное, подшучивающее выражение, с каким он глядел на меня за ужином, когда я рисовал себе его мчащимся на мехари.

— Нет, — сказал он мне, улыбаясь. — Знатные египтяне не ездят на верблюдах. Они любили лошадей и слонов. Если уж, по вашему, я не умещусь на коне, надо меня посадить на слона. На белом я, темный, был бы особенно эффектен.

Рассул весело рассмеялся, я же, заметив улыбку И. и его ласковый взгляд, вспомнил, что мусором мыслей засорил текущую минуту, вздохнул и сказал Дартану:

— Опять проштрафился.

— Нисколько, — ответил мне он. — Но надо усерднее кушать, так как время не ждет, скоро ваш караван двинется.

Он поручил меня одной из своих внучек, приказав накормить до сыта. Но, зная наставление И. перед отправлением в путешествие много не есть, я не выполнил желания моей милой дамы и не съел половины того, чем она меня потчевала.

Первым из-за стола поднялся хозяин, за ним встал И. и все остальные. Когда мы вышли к концу аллеи усаживаться на мехари, то оказалось, что оставалась в оазисе только часть нашего отряда. Весь караван, шедший вчера сзади нас, уже давно ушел вперед, руководимый Никито. Я был очень удивлен и подумал, как совершает это трудное путешествие сестра Карлотта, которая и в Общине большую часть дня все лежала в постели.

— Не беспокойся о тех, кого я тебе не поручал, но будь собран и до конца бдителен с теми, кого я тебе поручил и от обязательной заботы о ком еще тебя не освободил, Левушка, — сказал мне И. — Старушка преблагополучно спит и не испытывает никаких тягот пути. Смотри, — и он указал мне на Андрееву, нетерпеливо топтавшуюся у своего мехари, которого держал Зейхед.

Я быстро подошел к ней, подозвав Игоро, и мы втроем с большим трудом усадили ее в маленькое седло так, чтобы ей было удобно и чтобы с нее ничего не спадало. Пот катился градом со всех нас, и все же, если бы милосердный и ловкий Ясса не вмешался в наше дело, мы не смогли бы покрыть ее плащом и зашнуровать как следует, так как она спорила и сбрасывала с себя все, разрушая нашу работу. Мне помогло сохранить полное спокойствие мое воспоминание о белой комнате Али. Но оно помогло мне, а не делу. Ясса же, точно укротитель непокорной львицы, что-то бормоча на непонятном мне диалекте, который, казалось, понимала Андреева, ласково-ласково, как заботливая нянька, укутывал грузную женщину, и она подчинялась, даже не думая протестовать.

Еще и еще раз я понял, до чего многому должен еще учиться. Я ясно понял, что и самообладание может быть бессмысленно, если оно акт чисто личный, а не действенная сила. Та сила, что вбирает в себя эманации раздражения встречного и тушит их, как глухая крышка, плотно покрывающая горшок с красными углями и сдерживающая их огонь. Я понял сейчас, почему влияние И. и других моих высоких друзей так освобождает людей и дает им блаженное чувство облегчения. Их мудрое самообладание, лишенное всякой памяти о себе — этой назойливой требовательности собственного «Я», — льет энергию своей любви во все дела человека, с которым они общаются. Я понял, что виновен в том, как прошла встреча с человеком, какие чувства в нем пробуждались при встрече со мною. В эту минуту, как никогда, мне была ясна пропасть между той ступенью, где жил я, и между величием Света, где жил И. Я снова вздохнул и услышал нежный голос И.:

— Мой мальчик, привыкни делать каждое текущее дело как самое важное. Привыкни не пересыпать перцем своих благих мыслей действия своего дня. Этим ты затруднешь не только одного себя, но и всех тех, кто живет вокруг тебя. Иди простись с хозяином. Я займу твое место рыцаря на это время подле Натальи Владимировны.

И. подошел совсем близко к Андреевой и что-то стал говорить ей, но так тихо, что никто разобрать его слов не мог. Мы с Игоро пошли прощаться с Рассулом. Я везде искал глазами Бронского,

недоумевая, где бы он мог быть, так как он раньше всех вышел из-за стола и в сопровождении двух мужчин, жителей оазиса, куда-то ушел. Я нигде не видел артиста, стал было уже беспокоиться о нем, но вовремя вспомнил о «перце» своих мыслей.

Когда я подошел к Рассулу и, кланяясь, благодарил его за гостеприимство, он взял обе мои руки и, глядя сверху вниз мне в глаза, сказал:

— Радостно мне сегодня. Радостно на много дней вперед, что встреча с вами дает мне возможность вернуть вам мой старый долг. Когда-то ваша белая птица была вашим врагом, — показал он на Эту, прижавшегося к моей ноге. — В одно из воплощений этот враг убил вас. Но, умирая, вы защитили меня от него. Я остался жив, помнил о вашей защите, помнил о своем долге вам, но в течение многих веков не имел возможности возвратить вам хотя бы свою благодарность. Примите от меня эту вещь. Это очень древняя вещь. Она принадлежала одному египтянину и напоминала ему о неизбежной ступени в пути совершенствования каждого человека: о гармонии. Возьмите ее от меня. Редко бывают в жизни вещи, не оплаканные слезами, не напитанные вибрациями скорби и стонов. Если иногда людям и попадают в дар вещи великих, имевших души чистые и свободные, они делают себе из них талисманы, прибегают к их помощи в своих мольбах и передают им невидимые токи своих страданий. Эта вещь чиста. Она принадлежала существу такого высокого духа, радость которого не омрачалась ни на единый миг за всю жизнь, хотя видимых причин для этого было немало. Все, чего я хотел бы пожелать вам из глубин моей благодарной памяти, — сохраните ту цельность верности до конца, в какой сейчас живете. И великая Жизнь поддержит вас — вожака человечества — в том месте, к которому она теперь подвела вас. Никто не может выполнить величайшей задачи, которую на него возлагает великая Жизнь, в одно воплощение. Целый ряд их, следующих друг за другом, поднимает в человеке на высоту совершенства таящиеся в нем силы, вначале как качества, потом как аспекты Единого, постепенно создавая из человека-формы человека-огонь. Огонь ваш, горящий уже теперь костром, должен принять форму шара, чтобы стать гармоничным

путем для Истины. Пусть же эта вещь высокого радостного духа поможет вам в этой великой и трудной работе.

И он подал мне небольшую пластинку на золотой цепочке из звеньев в виде головок сфинкса, на которой было изображено солнце и его лучи, причем само солнце представлял большой желтый алмаз и такие же камушки сверкали в глазах сфинксов.

Я был так потрясен его словами, восхищен подарком и в то же время огорчен: опять у меня ничего не было, что бы я мог дать любезному хозяину взамен его дара. Он прочел мою мысль и сказал:

— Жизнь, которую вы когда-то подарили мне, — ваш вековой подарок. А теплота сердца, которой вы обласкали меня сейчас, ценнее всех даров, которые вы могли бы мне дать. Но, если бы вы желали, если бы у вас было радостное желание оказать мне услугу, я обратился бы к вам с одной просьбой.

В ответ на мой восторг быть ему полезным он продолжал:

— В дальней Общине, куда вы теперь едете, есть несколько домиков, где живут люди нашего оазиса. Несчастных, которые нигде не могут достичь мира в сердце, везде много. Им кажется, что не их собственная строптивость гонит их от людей, заставляя их самих отъединяться от своих ближних, но что окружение не дает им возможности развиваться в том духовном богатстве, которое они в себе носят. Такие и наши строптивцы, объехавшие чуть ли не весь мир и не нашедшие себе нигде покоя, живут в дальней Общине. Время от времени мы посылаем им вести и посылки с родины. Но чтобы можно было послать им весть, надо, чтобы вестник был верен до конца, целен до конца и добр до конца. Только через такого вестника поданная весть не причинит нового бунта и нового пароксизма отрицания этим несчастным. В вашем лице мы могли бы иметь такого гонца. Согласны ли вы им быть?

— Вы слишком хорошо читаете в моем сердце, чтобы задавать мне этот вопрос, — ответил я. — Если считаете меня гонцом достойным, я готов.

Рассул вынул из кармана своего плаща объемистую пачку писем, перевязанную тонкой лентой из пальмовых волокон, вложил ее в красивый мешочек, сплетенный, как циновка, и подал мне, говоря:

— Все эти письма я прошу вас передать лично людям, которым они адресованы. Но не сразу передавайте их. Сначала вам надо познакомиться с каждым из тех лиц, кому я прошу вас отдать письмо. Важно в этом случае общение со строптивцами, чтобы гонец знал и помнил не только о любви и заботах тех, милосердие и дары которых он вообще несет в серые дни жизни Земли. Но важно, чтобы его собственная активная сила доброты жила и, действуя в гармонии с их любовью, сумела внести мир в сердце строптивца, хотя бы на тот краткий миг, пока совершалась передача вестей. Гонец должен найти в себе то истинное самообладание, от которого затухает раздражение во встречном. Вы сами прошли мучительный путь постоянного раздражения, и ваша верность помогла вам выйти в ступень цельной доброты. Ваш новый путь бдительного внимания к каждой встрече дает вам возможность подниматься выше к ступени гармонии Учителя. Не каждый ученик может продвигаться в высоту тех путей, где действует Учитель. Туда проходит только тот, кто сумел дойти до самообладания как действенной силы, помогающей освободиться встречному от его давящих страстей. По внешности, по суду людей недалеких и нечутких, ученик может обладать большим темпераментом, чем им бы это казалось уместным для ученика. И, по неразумию своему, они считают такого ученика раздражительным или плохо воспитанным. Не раз в жизни вам придется столкнуться с этим. Но на суд людей вы никогда не обращайтесь. Они судят по степени своего ума, а Учитель судит о вас по действию вашего сердца, культуру которого может видеть лишь тот, чье сердце бьется в ритме Вселенной. Таких сердец на Земле не так много, и отсюда идет некоторая внешняя обособленность учеников. Этим смущаться нельзя. Надо глубже разрывать внутренние перегородки между собой и людьми и вводить в каждое общение силу энергии Тех, Кто ведет вас, никогда не давая вам чувствовать огромной пропасти между их и вашим духовным миром. Познакомьтесь лично с каждым из моих адресатов. Научитесь овладевать их эманациями себялюбия и самоуверенности. Научитесь тушить огни их чрезмерно развитого астрала.

Научитесь вводить в действие в каждой встрече с ними энергию вашего высокого друга Флорентийца как такт и обаяние. И только

тогда подайте каждому его письмо. Вас поражает, что Франциск, также давший вам письма к строптивцам в дальней Общине, ни о чем вас не предупреждал, а просто велел вам передать их его адресатам, неся Его чашу в руках. Вы молоды, мой друг. Вы еще не можете ни воспринять, ни охватить полностью мощь и высоту Любви Франциска. Его освобожденная Любовь несет всем такую непобедимую силу, что рука, подающая Его весть, может быть только чиста. Сила Франциска, Радость его сокрушают все условное в людях сами по себе, не нуждаясь в содействии гонца. Если гонец может подать Его весть, значит, он чист сердцем. Если бы гонец вздумал кого-либо обмануть, он сгорел бы мгновенно, превратившись в груды пепла. Или же стал бы безумным, если бы его преступление было легче обмана, но все же несло бы встречным себя, а не Человеколюбие.

Закончив этими словами свою речь, Рассул обнял меня и велел своим двум внукам подать мне ряд посылок, предназначенных тем же людям, к кому он дал мне письма.

Я был очень глубоко взволнован словами Рассула и его доверием к моим силам. Я мысленно не расставался с моим великим покровителем Флорентийцем и молил Его помочь моим рукам сохранить чистоту и держать чашу, ставя Его прекрасный образ между собой и каждым встречным, пока буду в дальней Общине.

Едва я справился со своим волнением, как увидел Бронского, подходившего к нам в большой группе молодых мужчин и женщин. По виду Станислава, излучавшего необычный энтузиазм, я понял, что он пережил и еще переживает момент творческого вдохновения. Из долетавших к нам отдельных слов его речи можно было понять, что он дает наставления о какой-то театральной пьесе. Когда вся группа приблизилась к нам, артист остановился, как бы слетел с неба на землю, как в сказке, лицо его приняло обычное выражение, и он беспокойно сказал:

— Неужели я опоздал и задержал вас, Левушка? И вы один ждете меня здесь?

— Не беспокойтесь, — ответил ему за меня Дартан. — Учитель И. распорядился дать вам время осмотреть наш театр и прочитать моим артистам несколько бессмертных произведений. Караван ушел

вперед, а И., по обыкновению, не потерял ни одной минуты времени в пустоте. Я же приношу вам мою благодарность за то, что вы помогли моим внукам и внучкам понять, как выйти из тупика в искусстве, куда они забрались. Конечно, ваши советы, как молния, помогли им увидеть, что такое истинное искусство. Но одно дело — понять, а другое дело — суметь. На вашем языке, как вы сказали мне вчера, знать — значит уметь. Не откажите нам в более длительной помощи, поживите с нами и поучите нас, если такая самоотверженная задача не кажется вам слишком низкой для вашего гения.

— Я опускаю ваши последние слова, считая их просто одной из форм и фраз восточной вежливости, с которой я не раз уже сталкивался в жизни и никогда не был настолько находчивым, чтобы найти подходящий ответ. Не допускаю мысли, что вы не видите, как глубоко я поражен достигнутыми в пустыне успехами, пониманием и преданностью искусству; я хочу пожить у вас и поработать с вашим театром. У меня есть и блестящий режиссер, мой ученик Иго-ро, преданность делу которого, пожалуй, превосходит даже мою. Но в эту минуту перед нами обоими стоит иная задача. Мы не можем оставить нашего великого друга Учителя И., за которым мы сейчас следуем; но, если он разрешит нам, возвращаясь, мы останемся у вас в оазисе и поработаем столько времени, сколько сам Учитель И. найдет нужным нас здесь оставить.

Ясса подал знак к отъезду, и мы, сопровождаемые целой толпой людей, смотревших на Бронского, как на Бога, отправились к мехари. Здесь мы увидели, что И. и мистер Ольденкотт уже уехали. Станислав, который должен был ехать рядом с И., растерялся, увидев своего мехари одиноко стоявшим в тени пальм.

— Не волнуйтесь, друг, — ласково сказал Дартан. — И. распорядился, чтобы я помог вам догнать его. Я велел оседлать вам моего особенно быстроходного мехари и сам доведу вас до И. Не пройдет и часа, как вы будете с И., а я возвращусь обратно. Мехари же мой, имя которого Отчаянный, пусть станет вашим. Он назван так по некоторым своим озорным качествам. Но если он понял, что ему вручается забота о жизни того, кого он несет на себе, он верностью своей будет стоек и тверд, до последнего дыхания отстаивая

## Содержание

<i>Глава I.</i> Наш отъезд из оазиса. Второй день путешествия по пустыне. Зловещая встреча в ней .....	3
<i>Глава II.</i> Трапезная. События в ней. Мое новое понимание жизненных путей человеческих .....	40
<i>Глава III.</i> Первый завтрак в новой столовой. Школа. Я передаю письмо Франциска матери больного ребенка. Помощь И. в моем знакомстве со скитом трудных строптивцев. Старец Старанда и встреча с ним ....	73
<i>Глава IV.</i> Мои новые знакомства в Общине. Первая неудача во встрече с жителями из оазиса Дартана. Раданда. Часовня Радости. Выполнение поручения Дартана с помощью Раданды.....	111
<i>Глава V.</i> Мы едем встречать Яссу. История его жизни, рассказанная нам И. Встреча с Яссой и необычайное видение в пустыне. Возвращение в Общину и посвящение Яссы. Трапезная. Разговор с Грегором. Две речи И. в трапезной и на балконе .....	154
<i>Глава VI.</i> Последний утренний завтрак отъезжающих. Напутствие детям. Еще раз Ариадна. Рассказ Мулги о Раданде. Уединенный скит строптивцев. Старанда и Георгий. Беседа И. с Андреевой и Ольденкоттом .....	195
<i>Глава VII.</i> Беседа И. с Бронским и Игоро. Наставление им к труду в оазисе Дартана. Неожиданная встреча с леди Бердран. Доктор. Ариадна, ее сын и ее трагедия. Вторая беседа И. с Андреевой и Ольденкоттом об их миссии в миру. Последние сборы и отъезд в оазис темнокожих. Первые впечатления от оазиса. Мать Анна .....	228

- Глава VIII.* Первый ужин в круглом доме в оазисе матери Анны.  
Зал и наши сотрапезники. Речи матери Анны и И. Работа И., его наставления и приготовления к встрече бури всего населения оазиса. Маяк. Страшная ночь бури. «Чудо», совершенное И. Мы ходим с маяка. Ясса, его мертвый сон и мое отчаяние. Моя работа у ворот. Собаки-искатели. После бури. Мы посещаем Ольденкотта и Андрееву. . . . . 265
- Глава IX.* Мое пробуждение. Как я ищу И.  
И. на заводе в роли рабочего. Первый обед в оазисе после бури. Беседа И. с сотрапезниками. Владыки оазиса . . . . . 286
- Глава X.* Лаборатории стихий. Лучи путей человеческих.  
Их возглавляющие Великие Учителя, Светлые сонмы невидимых помощников, Их труд для человечества Земли. Неожиданное видение в седьмом луче . . . . . 307
- Глава XI.* Мое пробуждение в комнате с диваном.  
Возвращение в лабораторию. Беседа в ней с Владыкой. Божественное видение. . . . . 342
- Глава XII.* Второе пробуждение в необычайной комнате Владыки. Что говорит мне живой портрет на стене. Еще одно Божественное видение. Последнее наставление моего Владыки-Учителя. Посещение Владыки-Главы, беседа с ним в его комнате и беседа в святая святых . . . . . 355
- Глава XIII.* Башня стихий природы в лаборатории Владыки-Главы. Его объяснения мне и башня стихий в пространстве. Стражи стихий, их труд и роль в передаче творческого вдохновения. Великий Учитель Маха-Чохан. Его роль в мировом труде. Последнее наставление Владыки-Главы мне и Андреевой. Наш выход из лаборатории стихий и новая встреча с И. . . . . 370

- Глава XIV.* Возвращение к жизни. Еще раз оазис Матери Анны и первое свидание с нею. Новые аллеи и памятники нашей любви и благодарности на них. Закладка часовни «Звучащая Радость» ..... 397
- Глава XV.* Беседа И. с жителями оазиса в ночь закладки часовни. Работа И., Василиона и моя над расцветкой статуи и установка ее в часовне. Последняя ночь перед освящением часовни. Деметро и его поручение ко мне. Слова И. при открытии часовни. .... 425
- Глава XVI.* Прощальная речь И. обитателям оазиса матери Анны. Приезд в Общину Раданды и первая вечерняя трапеза. Наставление И. отъезжающим и остающимся. Часовня скорби. Отъезд в оазис Дартана Грегора, Василиона, Бронского и Игоро. Отъезд в Америку Андреевой и Ольденкотта . . . . 453
- Глава XVII.* Еще раз часовня и поселок плачущих. Речь И. плачущим. Мое прощальное посещение часовни Радости. Прощальный вечерний пир в Общине Раданды. Последняя речь И. на нем. Наш отъезд в Общину Али ..... 488
- Вместо эпилога.* Путешествие по морю лорда Бенедикта и его спутников на пароходе капитана Ретедли. Новые знакомства обитателей Лондонского особняка с пассажирами первого класса. Размышления Алисы и ее разговор с лордом Бенедиктом о встречах. Разумов и беседы лорда Бенедикта с его группой. Алиса читает тетрадь Венецианца ..... 510